

Психологическая публицистика

© 1998 г. В.А. Соснин

КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА
СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА*

Говоря о специфике нынешней стадии политических противоборств в России, можно анализировать потенциал существующей конфликтности на уровне общенациональных и региональных правящих элит. Идет перераспределение власти в политике и экономике, ведется борьба за ресурсы, изменение статуса силовых структур, усиливаются внешние угрозы государству. Важными факторами, существенно изменившими расстановку политических сил в стране и детерминирующими социально-психологические настроения и ориентации населения, являются: фактический выход Чечни из состава РФ; 40%-ое голосование за оппозицию на президентских выборах 1996 года; длительная болезнь Президента; "движение" НАТО к границам России; неотвратимо надвигающийся коллапс экономики и связанная с этим проблема неплатежей и невыплат зарплат и пенсий различным категориям населения, силовым структурам.

Но можно предложить рассматривать наличную ситуацию в стране и с точки зрения глобальных экзистенциальных проблем.

В условиях системного кризиса проблема идейно-политической, экономической и социокультурной интеграции общества и государства продолжает оставаться крайне актуальной и жизненно важной с точки зрения сохранения целостности государства. Колоссальное ослабление центральной власти и ее неспособность выполнять положения федеральной Конституции и федеральных законов, а зачастую и их грубое нарушение, позволяет говорить о кризисе государственности. В связи с проблемой выбора вектора общественного развития хотелось бы сказать о такой важнейшей детерминанте общецивилизационного развития, как тип культуры общества или преобладающий тип национально-культурной идентификации, которую необходимо учитывать при выработке стратегических приоритетов национальной политики и идеологии.

Переход общественно-социалистической экономики в экономику, основанную на частной собственности, — процесс весьма болезненный. Ему сопротивляются не только ценностные ориентации, психологические установки и стереотипы коллективных социалистических отношений, но и прежняя народная общинно-солидарная культура России, отражаемая в глубинной психологии народа в форме архетипов коллективного бессознательного, не приемлющих многие нормы гражданско-прагматического рационалистического общества и хозяйствования.

Кризис национально-культурной идентичности является одним из наиболее характерных явлений современности. Известно, что наиболее общими глобальными детерминантами национально-культурных типов обществ являются "индивидуализм" и "кол-

* Данная публикация основана на материалах, представленных автором на "круглом столе" Ассоциации политических наук "Противоборство политических сил в России и СНГ" 14 февраля 1997 г.

лективизм" (или "коммунитаризм") с соответствующим набором отличительных характеристик (см. В. Соснин. "Культура и межгрупповые процессы: этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификации". Психол. журн. № 1, 1997). И в культуре каждого общества в большей или меньшей мере присутствуют элементы обоих типов, естественно, с доминированием одного из них.

В мировой философско-идеологической литературе Запада трансформация идентичности трактуется в контексте процессов глобализации и деглобализации изменяющихся обществ. Обычно за эталон "развитости" выбирается западное либеральное общество с индивидуалистическим типом культуры. Традиционные общества с общинно-солидарным или коммунитарным типом культуры априорно считаются "выпадающими" из столбовой дороги цивилизации.

В данной связи, как ни грустно констатировать (хотя это стало уже общим местом), создается впечатление, что нынешнее руководство России взялось за выполнение "титанической" задачи по "переделке" российского общества по моделям государственного устройства, ориентированным исключительно на культуру, идеологию и психологию индивидуализма. При этом совершенно игнорируются вековые культурно-идентификационные особенности российского общества – коллективность, общинность, высокая социальная комфортность, ценности Православия и Ислама.

Любая культура – есть многомерный мир, каждый своей гранью ограничивающий свободы человека. Функция всех культур – сохранение форм жизни и самовоспроизводство общества – по определению требует ограничения свобод. В основе типа цивилизации лежат ценностные представления о человеке, мире и обществе. Известно, что современное либеральное общество Запада возникло в результате культурно-религиозной реформации под знаменем свободы от Бога, Природы и Человека.

Культура Запада основана на идеологии господствующего собственнического индивидуума. Для возникновения либерального гражданского общества нужна была переделка человека, слом его общинно-солидарной психологии – реформация – превращение его в "атомизированного" индивидуума и собственника. И протестантская реформация изменила представления о человеке, отвергла идею коллективного спасения души, религиозного братства людей. Возник религиозно обоснованный индивидуализм, несовместимый с соборностью и коллективизмом. В итоге установление гражданского общества требует разрушения всех общинных социально-психологических связей и превращение людей в индивидуалистов, объединяющихся в ассоциации только во имя всеобщей борьбы за свои частные интересы. И равенство людей в либеральном обществе основывается не на идеале любви и солидарности, а на непрерывной борьбе "всех против всех".

Напротив, в традиционных (общинных) обществах представление о человеке, добре и зле, допустимом и запретном основано на солидарной идеологии и психологии. И если говорить о России, то ее культурное ядро на протяжении тысячелетия основывалось на понятии соборной личности. Не нужно доказывать, что православные религиозно-духовные ценности (и, в определенной мере, ценности ислама) в нашем Отечестве имеют тысячелетнюю историю. Во многом именно они являлись той духовной основой, на которой сформировались основные характерологические особенности российского этноса. Именно они определяют глубинные архетипы коллективного бессознательного российского суперэтноса и духовно-нравственные стереотипы поведения.

Суть общинного мировоззрения в том и состоит, что представление человека о своем Я (личности) включает в себя представления о своих близких – собратях по народу, живущих сейчас, живших прежде, и тех, которые придут после. Представление о соборной личности – главнейший архетип и культурный идеал российского суперэтноса. Свобода людей, связанных любовью и различными отношениями солидарности (общинности, коллективизма) не может быть замещена свободой индивидуума, участвующего в "войне всех против всех".

Общинное (паттерналистское) общество воспроизводит образ государства-семьи с солидарной ответственностью (ты для всех, семья для тебя, свободы ограничены, приоритет "семьи" над личностью). Либеральное общество воспроизводит образ рынка с тотальной конкуренцией (каждый свободен, никому ничем не обязан, самодостаточный индивидуалист, государство-полицейский). Главное в ментальности человека традиционного общества – способность видеть священный (сакральный) смысл в явлениях жизни, в общественных институтах и отношениях. И эта сакрализация – важнейший элемент национального самосознания российского суперэтноса. И речь здесь не идет об исповедании религии, а о соединении рациональности и единой всеохватывающей этики (любви). Этот важнейший элемент "иррациональности" культуры включен в ядро культурных архетипов нации.

Поэтому **авторитет** в традиционном обществе имеет огромное значение как одна из базовых (сакрализованных) культурных ценностей, не подвергаемых проверке рациональностью (Бог, Царь, Патриарх, барин, хозяин, руководитель, старший и т.д.). Авторитет для человека традиционного общества – это основа человеческой жизни. Его разрушение неизбежно ведет к насилию. Поэтому человек традиционного общества воспринимает авторитет не как "несвободу" ("оковы", "рабство"), а как связь с абсолютным высшим, как точку опоры на земле.

В западной же культуре нет места вере в святыни – все носит рационализированный, посюсторонний характер с опорой на самодостаточного индивидуума, находящего психологическое основание в постулатах протестантизма. Непризнание авторитета, отказ подчиняться кому бы то ни было – это доминирующая психологическая ориентация "автомизированного" самодостаточного индивидуума. Для рационального человека толпы нет святости.

В глубинных пластах национального самосознания российского этноса (несмотря на поверхностный атеизм) в целом сохранился, по меткому выражению *С. Карамурзы* ("Интеллигенция на пепелище родной страны", 1997), "естественный религиозный орган". В массе своей население продолжает ощущать глубокий смысл явлений бытия и испытывать влияние священных для человека традиционного общества символов и институтов – Родины, Государства, Армии, Науки, Сострадания, Солидарной Взаимопомощи.

Поэтому тот культурно-идеологический проект, который пытаются сейчас реализовать правящие элиты страны, насильственная переориентация подсознательных сакрализованных норм огромного народа на культурные нормы иной (инославной) цивилизации – это культурная диверсия огромной разрушительной силы. Речь идет о разрушении глубинных психологических кодов и символов (архетипов), которые определяют культурный генотип российского суперэтноса – русских и большинства других народов бывшего СССР. Это своего рода проект реформации для России (слом солидарной идеологии и психологии народа).

Идея о том, что институты и ценности Запада – продукт естественной эволюции обществ – миф. В мире не существует "правильной" и "естественной" модели общественных институтов и норм, пригодных для любых обществ в качестве эталона. Опыт истории показал, что сложные полиэтнические, поликультурные общества не могут существовать без традиций и "иррациональных" норм, запретов и ритуалов. Они устойчивы до тех пор, пока не позволяют пошлой рациональности навязать им "прогрессивные" западные нормы.

"Цивилизации породили особые понятия чести и долга перед Богом и людьми, наполнили разным содержанием категории свободы, прав, этику взаимоотношений..., дали свое толкование природы Власти и государства, движущих сил истории. Все это явило разные системы права, нравственные основы экономической деятельности и мотиваций к труду и богатству, политические институты, свое понимание нации и Отечества. Продвижение своей системы ценностей, духовное овладение миром на основе своей картины мировой истории было и есть главной нематериальной движущей силой мировой истории. Нарушение баланса между крупными цивилиза-

циями немедленно порождает импульс к духовной и иной экспансии..." (Наталья Нарочницкая. "Борьба за поствизантийское пространство", 1997).

Сами западные историки и философы признают, что цивилизация Запада динамична и очень агрессивна, что она ведет войну против нашей цивилизации давно, с XVIII века, а не с начала "холодной войны" (чему есть документальные свидетельства)¹. И они же приходят к выводу: "чтобы сблизиться с ними, с Западом, надо от него закрыться" (как это разумно делают Япония, Китай, "драконы" Юго-Восточной Азии и ряд других стран с традиционной коммунитарной культурой). Вместе с этим нельзя не сказать, что Запад сам находится в глубочайшем духовно-ценностном кризисе. Сегодня там – застой и в сфере промышленности, и в сфере торговли, и в сфере новых идей. Реформация Запада была мутацией, отходом от христианства к Ветхому Завету, к ветхозаветному человеку с культом наживы. В результате он, Запад, пришел к полной духовной опустошенности и нигилизму как "активному принципу".

Думающие люди на Западе серьезно размышляют о духовном кризисе идентичности всей их цивилизации. Так, М. Хайдеггер утверждал, что "средний западный гражданин – это индивидуум, который преодолел всякую потребность в смысле бытия и прекрасно устроился в полном обесмысливании, в самом абсолютном абсурде, который невозмутимо принимает любое разрушение". (Цит. по работе С. Карамурзы "Интеллигенция на пепелище родной страны", 1997). Утрата высших духовных ценностей – это не просто "константа" Запада, это западня полной утраты смысла бытия, в которую он постоянно "падает". Это тайна и "послание" Западу. Но, как бы ответили теологи, – это "тайна беззакония, отпадения от Бога". Здесь и утрата символов и традиций, и разрыв человеческих связей, и противопоставление культурной сущности человека его онтологическому естеству.

В традиционных же обществах, человек, будь он атеист или верующий, сохранил "естественный религиозный орган", он ощущает глубинный смысл бытия и единства мира. И выход из этой западни Хайдеггер видит в том, чтобы человек постепенно перестал быть властелином вещей, а превратился в пастуха бытия и начал стремиться сохранять мир согласно его внутренней природе. А это и есть преодоление ценностей либерального общества, это и есть ограничение свободы человека ради ответственности перед миром, это и есть восстановление ценностей и запретов традиционного общества при полной внутренней духовной свободе.

В отличие от нас правящие элиты западных стран эти глобальные идентификационные характеристики наций и тенденции их изменения тщательно и систематически изучают, анализируют и учитывают при выработке стратегических приоритетов национальной политики и ее воплощения в жизнь. В прикладной политической социологии и организационной психологии Запада существует мощное научно-практическое направление кросс-культурных исследований, ориентированное на выявление связей культуры и идеологии наций, государств с их конкурентоспособностью в глобальном международном масштабе.

Результаты подобных исследований весьма интересны и поучительны, перечислим лишь некоторые из них.

Во-первых, эволюция доминирующих типов культуры (индивидуализм – коллективизм) в целом оставляет в сохранности доминирующее национально-культурное ядро исследуемых наций. Во-вторых, и это особенно важно, хотя общая тенденция и свидетельствует о том, что эволюция типов во всех странах направлена к центру

¹ См., например, материалы бывшего особого архива СССР (ныне – Центр хранения, в котором находятся архивы массонских лож и разных историко-документальных коллекций, секретных организаций и спецслужб, захваченные гитлеровцами во время оккупации ряда европейских государств).

После победы СССР во второй мировой войне эти архивы были вывезены в Москву и хранились засекреченными вплоть до 1991 г. На основе данных материалов Д. Платоновым было проведено и опубликовано документально-историческое исследование "Масонский заговор в России (1731–1995 гг.)" – М., 1995 г.

континуума "индивидуализм – коллективизм", это давление намного сильнее у стран с индивидуалистической ориентацией. В-третьих, страны с коммунитарным типом культуры оказались значительно эффективнее по конкурентоспособности, согласованности идеологии и ее адаптируемости к изменениям институциональной практики, как внутренней, так и международной. В целом, глобальные тенденции эволюции, культурно-идеологических типов наций, их национально-культурных идентификаций свидетельствуют о том, что вектор этой эволюции направлен в сторону коммунитаризма.

Возвращаясь к вопросу о национальной стратегии, политике и идеологии, обеспечивающих стабильное развитие и функционирование России, хотелось бы отметить следующее: не нужно ломиться в открытую дверь и доказывать необходимость перемен, реформ и выработки новой парадигмы существования. По меньшей мере неразумен призыв к прошлому – монархическому или тоталитарно-советскому. Призыв к монархизму нереален хотя бы потому, что в российском обществе сейчас нет для этого соответствующих духовных, нравственных и психологических условий. Тоталитаризм интернационально-социалистического типа доказал свою историческую несостоятельность. Но и переустройство России по западным моделям, ориентированным на культуру и идеологию индивидуализма, скорее всего принципиально бесперспективно.

Неизбежно экзистенциальное противоречие: рыночная система как особая либеральная культура в отличие от плановой солидарно-общинной экономики в принципе не может действовать, если все участники не соглашаются с правилами игры (общественным договором), то есть не хотят стать собственниками. Заставить людей, которые не понимают и, тем более, не воспринимают культурных норм рынка, действовать по правилам невозможно. А подавляющее большинство населения России, независимо от идеологических предпочтений, не принимает и отвергает культурные принципы рынка.

И здесь нельзя игнорировать неизбежно возникающую глубинно-психологическую проблему: влияние общинно-солидарной духовной почвы не может не вступать в конфликт с восприятием западных культурно-ценностных моделей, основанных на мировоззрении индивидуализма. Данный экзистенциальный конфликт на глубинном подсознательном уровне порождает хаос и дезориентацию социального восприятия, а, следовательно, и социального поведения населения.

Россия – страна с вековыми традициями коммунитарной культуры, и любой цивилизованный слом, разрушение национальных культурно-исторических традиций, ценностей и архетипов нации завершается либо ее гибелью, либо всеобщей катастрофой (в случае России, видимо, всемирной) как реакцией нации к самозащите.

Об этой перспективе мы не имеем права забывать, поскольку история развития человеческих цивилизаций дает немало тому свидетельств и примеров.

В заключение позволю привести слова известного российского философа С.Л. Франка, сказанные им о ситуации в России в августе 1917 года, но остающиеся актуальными и для нынешней ситуации: "Забвение мертвых небезопасно для живых. Мертвые молчат... Но они не умерли и живут в народной душе..., они неразрывно слились с тем делом, с той верой, ради которых они погибли; их души внятно говорят об одном – о Родине, защите Государства, о чести и достоинстве страны, о красоте подвига и позоре предательства. В этой преобразованной жизни, в глубине народного духа, в которой они отныне суть огромная действенная сила, они глухо ропщут против умышленных и неумышленных измен, против демократического мародерства, против бессмысленного и бессовестного пира на их кладбище, против расхищения родной страны, обогащенной их кровью. Будем чтить тени мертвых... А если мы уже разучились чтить их – будем, по крайней мере, помнить их настолько, чтобы бояться их и считаться с ними".